DOI: 10.17117/no.2015.03.120

Поступила (Received): 15.06.2015

<http://ucom.ru/doc/no.2015.03.120.pdf>

politsocio@kemsu.ru

Логунова Л.Ю.

Социокультурные условия и механизмы формирования практик мобилизационного поведения населения

Logunova L.Yu.

Social and cultural conditions and mechanisms of mobilization of the population practices

Кризисная ситуация является высшей точкой напряженности, временем перелома, когда открываются новые возможности в более жестких условиях. Актуальным для изучения кризисных ситуаций является социокультурный подход. Кризисная ситуация может быть рассмотрена с помощью метафоры игры: условия, правила, игроки (акторы). Расстановка этих элементов ситуации и векторы влияния определяют степень напряженности ситуации. Такие ситуации требуют от населения выбора стратегий и практик выживания. Такие практики называют мобилизационными. На выбор данных практик оказывают влияние социокультурные условия, механизмы (защитный, инерционный, инновационный). Мобилизационные практики классифицируются в следующие группы – защитные (традиционные, практики выживания), креативные (инновационные, протестные), созидющие (практики построения благополучного будущего). Последняя группа практик является наиболее перспективной: она не только помогает качественно пережить кризисную ситуацию, но и предложить новую программу будущего для потомков. Такие практики опираются на глубинные смыслы социокодов культуры, ориентируются на выработку новых ценностей, требуют концентрации внимания на личностных жизненных задачах

Ключевые слова: социокультурный подход, социокод, мобилизационные практики

The crisis is the highest point of tension, the fracture time when new opportunities under more severe conditions. Relevant to the study of crises is a socio-cultural approach. The crisis can be viewed by using the metaphor of the game: the conditions of the rules, the players (actors). Placement these elements of the situation and determine the extent of influence vectors tensions. Such situations require public selection strategies and practices to survive. Such practice is called mobilization. The choice of these practices affect socio-cultural conditions, mechanisms (normative, axiological, inertial). Mobilization practices are classified into the following groups – safety (traditional practice of survival), creative (innovative, protest), build up (the practice of building a prosperous future). The last group is the most promising practices: it not only helps the qualitatively to survive the crisis, but also to offer a new program for the future generations. These practices are based on the deep meanings sociocode culture, oriented toward the development of new values that require focus on the problems of personal life

Key words: socio-cultural approach, sociocode, mobilization practices

Логунова Лариса Юрьевна

Доктор философских наук, профессор
Кемеровский государственный университет
г. Кемерово, ул. Васильева, 6

Logunova Larisa Yuryevna

Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Kemerovo state university
Kemerovo, Vasilyev st., 6

В периоды кризисных ситуаций актуализируется проблема изучения поведенческих стратегий и практик населения, вынужденного справляться с жизненными трудностями в особом режиме. Социокультурный подход предоставляет методологические возможности для осуществления таких исследований, которые, по нашему мнению, могут базироваться на следующих принципах:

а) принцип гуманистической ориентации (для общества и государства хорошо только то, что хорошо для человека);

б) принцип акцентирования культуротворческого и культурозависимого характера «жизненных миров» людей – носителей социокультурного опыта (интерес представляет не только нормативное, типичное в культуре, но и случайное, нестандартное, во всем его событийном многообразии);

в) принцип парадигмального консенсуса (признание нецелесообразности дискуссий о преимуществах и недостатках качественного или количественного анализа: актуально обсуждение компетентности и независимости интерпретаций);

г) принцип рефлексии неочевидности (внимание акцентируется не только на мнениях людей, но и на чувствах, переживаниях, ментальных характеристиках общности).

Данный подход основан на поиске социокультурных противоречий и анализе проблем, связанных с ними (П. А. Сорокин, А. С. Ахиезер [1]). Осуществление принципа культуроцентризма заключается в поиске устойчивого ядра социокультурных процессов, формирующих противоречия, которые локализуются в определенной ситуации, наполненной чувствами и переживаниями человека, концентрирующей условия и обстоятельства жизни. При этом, ситуация конкретна, исторична, ценностно определена, имеет границы (рамки), наполнена событиями – референтными точками, в которых актуализируется значимый опыт группы и личности. Ситуация определяется не только мыслями ее участников, но и нормативными структурами, социокультурным контекстом. «Определить ситуацию» – это не просто установить факты, но интерпретировать их.

Алгоритм интерпретации предлагает теорема У. Томаса и древний опыт народа: «У страха глаза велики». Ситуация определяется человеком как сильная эмоция в градации от страха до восторга. По мнению Г. Гегеля, «обстоятельства, состояния и отношения превращаются в ситуацию только через душевное переживание, через страсть, которая реагирует на эти обстоятельства и сохраняется в них» [2, с. 270-271].

Социокультурные условия. Ситуация только на первый взгляд выглядит как совокупность внешних по отношению к индивиду условий. Ситуация навязывает себя человеку, который всегда находится в какой-либо ситуации и не может выйти из одной ситуации, не попав в другую (К. Ясперс) [8]. Но при исследовании содержания ситуации, внимание привлекает силовое поле мыслей людей, которые сформировали эту ситуацию. Категория «мысли и чувства человека» – из области неочевидного, но невключение ее в исследовательский процесс лежит исключительно в плоскости методических проблем измерения. Однако именно мысли и переживания (не мнения!) могут служить дополнительным обоснованием объективности анализа ситуации.

Сама ситуация может быть представлена в виде многополярных наслоений: поле ментальности (мыслей, чувств, желаний, волений людей); поле реальности (независимое от любой интерпретации событий); поле регуляторов и механизмов взаимодействий (нормы, традиционные и социально одобряемые образцы поведения, жизненные сценарии); поля возможностей (выборов поведенческих стратегий и практик, темы событийности).

Поля метальности, реальности, поле регуляторов диктуют «правила игры», определяют выбор поведенческих стратегий в полях возможностей. Кризисная ситуация в этом смысле трактуется как резкое изменение правил игры: чаще всего, вынужденное для доминирующих категорий населения и принуждаемое для остальных. Кризисные ситуации – это кульминация развития конфликтной событийности, эпицентр проявления ее остроты, концентрации чувств, рефлексии, выработки стратегий выживания и выбор поля. Такие ситуации стрессогенны, несут угрозу для социального порядка, взрывают рутинные процессы жизни людей. Но это и ситуации перелома, несущие новые программы социального взаимодействия.

Ситуация оформляется в модель (рамки, фрейм), которая выступает социокультурным конгломератом, имеющим целостность, социокультурный контекст, структурные элементы (условия, жизненный опыт участников, систему регуляторов отношений и механизмов совладания, установок, целей). Модель может быть представлена сферой, внутри которой действует правило «трех единств»: места, времени и действия. Внешнюю границу образуют «объективные» факторы – экономические, политические, исторические, социально-демографические, экологические. Внутреннее содержание – рассмотренная выше многополярность. Но все границы сферы прошивает единый метаконтекст – социокультурный. Он служит канвой для осмысления социокультурной реальности, в которой живут и действуют люди. Усреднение их субъективных оценок не ведет к объективному взгляду на событие. Этим нарушается субъективное право индивида на понимание события с точки зрения его «биографической ситуации» (А. Шюц). Так в современной социологии оформляется принцип права субъективной точки зрения, уточняющей или оппонирующей усредненному мнению, в объективность которого верят только социологи.

Это ориентирует на методологическую разработку позиции интерсубъективности – обобщенного опыта индивидов, которые собственный опыт соизмеряют и соотносят с опытом Другого (Э. Гуссерль [3]). По мнению А. Шюца, невозможно установить между объективностью и интерсубъективностью такое отношение, чтобы одна из них была первичной [7, с. 87]. Человеку в его повседневной рутине безразлично, как правильно с научной точки зрения понимать события, он «не интерпретирует действия своего спутника в соответствии с научной процедурой и канонами объективности, принятыми среди ученых» [7, с. 115]. В любой ситуации он действует на основе содержания своего опыта.

Опыт наряду с эмпирическими данными становится объектом научного анализа. Он индивидуально объективен, но наполнен ценностями и смыслами коллективного опыта общности: он историчен, конкретен в объективной реальности, его ценность и целесообразность проверена практиками повседневной

человеческой жизни. Опыт – это начало и результат любого действия. Человек начинает действовать в непривычной ситуации, когда его опыт «кричит» об опасности бездействия. Кризисные обстоятельства вызывают состояние дискомфорта, провоцируют на действие. Актор начинает игру, он активизирует свои адаптивные ресурсы. Действовать – значит выстраивать баланс между дискомфортом и желанным равновесием, покоем.

Динамические кризисные позиции ситуации формируются разновекторными силами: снизу вверх задается вектор движения ожиданий и ориентаций, сверху вниз – вектор давления обстоятельств, к которым человек вынужден адаптироваться. Его поведение представляет собой результирующую действия множества сил, которые подкрепляют или противостоят друг другу. В этом «балансе» участвуют не только индивид с его диспозициями и вовлеченностью в деятельность и ситуация, но и групповые нормы [5].

Социокультурные механизмы. Кризисная ситуация есть обострение противоречий между желаниями и возможностями человека, требующее разрешения и определяющее выбор стратегии, ибо любое противоречие стимулирует развитие. Здесь хаотичные действия редки: социальные взаимодействия стабилизируются социокультурными механизмами, которые распределяются в поле реальности ситуации. *Нормативный механизм* стимулирует формы (как правило, традиционные) социально полезного поведения. *Ценностный механизм* фильтрует «за» и «против» в вопросе выбора поведенческих альтернатив. Кризисная ситуация оказывает стимулирующее действие для выработки стратегий, но *инерционный механизм* обыденного сознания обладает сдерживающим эффектом, страхующим от конфликтов и потрясений.

Правила игры складываются из позиционных возможностей играющих следующим образом: низы (локальные сообщества) «хотят»; верхи (политическая элита) «могут»; посредники (чиновники, государственные служащие) искажают идеал взаимодействия народа со «справедливым царем». Правила игры конкретизируются в социальных ролях, исполнители которых встроены в социальные организации с разными системами правил, вызывающими ролевые конфликты. Неожиданные стратегии позиции «могут» (например, «шоковая терапия» и другие практики зарубежной культуры, противоречащие культурным кодам россиян) вызывают дезориентацию в поведенческих практиках тех, кто занимает позицию «хотят». Слишком решительные действия «посредников» (например, одиозные законодательные инициативы сомнительного качества и актуальности, изданные и обсуждаемые в 2014-2015 гг.) дискредитируют верхи и вызывают недоумение у «низов», которые не этого «хотят». Такие конфигурации свидетельствуют о смене правил игры. К тому же верхи и посредники имеют дополнительный ресурс – введение определенного ценза или внезапное изменение правил по своему усмотрению.

Частые изменения правил игры приводят к разрушению институтов и институционализированных практик. Кризисная ситуация обостряется, становится угрожающей срыву деятельности по решению жизненно важных задач. Такая ситуация наступает «внезапно», усложняет социальные процессы, опрокиды-

вает нормы привычных действий, ведет к нарастанию напряженности для субъектов. При этом поведенческие практики изобретаются «на ходу», не всегда отличаются удачностью, эффективностью. Неудачи приводят к социальным разочарованиям, закрепляют инерцию движений в поле обыденного сознания.

Обыденное сознание – благодатная почва для идеологических манипуляций. Мир обыденного сознания – это территория дорефлексивных очевидностей, прагматично ориентированных практик в сфере повседневности. Обыденное сознание наполнено смыслами наивного реализма, далекими от научных обоснований: чем рациональнее аргументы в пользу ложности смыслов, тем отчаяннее акторы будут эти «ложные смыслы» защищать. Поэтому проигрывает тот, кто предлагает рациональные аргументы, выигрывает тот, кто играет на этих смыслах в сферах коллективного неотрефлексированного сознания с консервативным содержанием.

Задачи функционирования обыденного сознания – жизненное благополучие, общение, позитивный социальный статус; содержание суть здравый смысл: тип и способ мировосприятия большинства людей. Поэтому человек, как считает А. Шюц, может быть удовлетворен тем, что ему доступна хорошо функционирующая телефонная система и, как правило, не задается вопросами технологии работы телефонного аппарата, законами физики, которые лежат в основе этой работы. Такое сознание содержит устойчивый ценностный культурный элемент – непоследовательные знания, основанные на традиции, народных приметах, рецептах, мифах и пр. Человек может считать одинаково значимыми утверждения, фактически несовместимые друг с другом. Будучи отцом, гражданином, работником и прихожанином своей церкви, он может иметь различные и малосогласующиеся мнения по моральным, политическим и экономическим вопросам. Коллективное сознание для членов группы принимает форму *достаточной* когерентности, ясности и последовательности, чтобы дать каждому приемлемые шансы понимать и быть понимаемым» [7, с. 194-195].

С такой позицией перекликается концепция «кентавр-проблемы», сформулированная Ж. Т. Тощенко [8]. «Кентаврическая парадоксальность» – это свойство ментальности россиян, способность индивидуального сознания совмещать взаимоисключающие социально-политические ориентации. Один и тот же человек может быть одновременно и социалистом, и либералом-интернационалистом, и монархистом, и республиканцем. Являясь нормальным в психическом и физическом смысле, парадоксальный человек особенно отчетливо проявляет парадоксальные черты сознания в периоды кризисов.

Когда обыденное сознание подвергается информационным манипуляциям, индивид, не готовый или не способный к рефлексии, принимает «на веру все», что ему сообщают более или менее кредитные источники. Его сознание адсорбирует все то, что эмоционально окрашено и фильтрует то, что имеет рациональное зерно. Казалось бы, что возможности для актуализации мобилизационных механизмов идеальны или, по крайней мере, благоприятны. Но в качестве противовеса стимулирующей идеологии обыденное сознание включает механизмы, тормозящие мобилизационные всплески.

Инерционный механизм объясняет предпочтение людьми рутинного режима жизни, без радикальных поворотов, ситуативных стратегических выборов, с апелляцией к повседневной мудрости: «Время покажет». Чем ниже социальный статус, уровень образования индивида, тем медленнее скорость адаптивных процессов. Если мобилизационное давление институтов власти усиливается, то вместо выбора инновационных практик, население обращается к практикам выживания. Население становится более управляемым, но его поведение в массовых формах менее предсказуемым.

Защитный механизм определяет выбор населением самозащитных стратегических моделей и практик. В кризисные периоды власть вынуждена увеличивать информационную нагрузку на общественное мнение, на оценки ситуации, идеологические установки. Однако чем активнее идет атака на структуры жизненных миров, тем чаще она наталкивается на закрытые двери. Агрессивная, насильственная мобилизация в периоды стабилизации жизни отталкивает людей от «большого мира» государства, способствует замыканию их в своих малых «локальных» мирах (А.С. Ахиезер [1]). Человек старается защищать рутинные смыслы, определяющие уклад и повседневные привычки.

Инерционный и защитный механизмы определяют выбор стратегических моделей поведения, которые практически не управляемы. В нестабильной социокультурной системе влияние институтов власти ограничено, а не усилено, как хотелось бы верить. Стремление агентов модели доминантности (верхи и посредники) сохранить свои позиции, связано с необходимостью постоянного контроля над ситуацией, с дополнительной тратой энергии и ресурсов (финансовых, административных, силовых), с ситуативными изменениями «правил игры». Бессмысленность таких действий становится очевидной с учетом модальности действия защитных механизмов. Тот, кто пытается что-то контролировать, теряет контроль над всем: энергия, концентрирующаяся в одной социальной структуре опасна взрывом. Для ее канализации и рассеивания напряжения в событийный механизм внедряются инородные структуры субъективного (международные организации, государства-агрессоры) или объективного характера (геопланетные, техногенные катаклизмы), которые начинают контролировать самих доминирующих или противодействовать им. Эти структуры, как правило, более сильные, борьба с ними опасна потерей «доминирующими» контроля и социальной инициативы. Противостоять этому процессу, используя идеологические, финансовые или силовые ресурсы, пытаться блокировать его, крайне сложно. Ситуация не поддается контролю и обладает собственной логикой развития событийности, основанной на объективной реальности, но не на субъективных представлениях людей, считающих, что понимают ситуацию исключительно «правильно».

Инструментами контроля могут выступать любые виды политического давления. Попытка российским правительством оказать давление на Украину встретило энергетический противовес – санкции Евросоюза. Но санкционное давление, в свою очередь, нарушило энергетический баланс: в Европу хлынул поток мигрантов с Ближнего Востока и Африки. Это потребовало от Евросоюза

переключения контроля на актуальные реалии и проблемы, связанные с кризисной миграцией. Дальнейшее нагнетание энергии с помощью силовых политических методов привело к гибели людей... К сожалению, в годы обострения социокультурного кризиса не были использованы каналы снятия энергетического напряжения: отказ от контроля ситуации, международные акты доброй воли в любых формах, расширение возможностей для народной дипломатии.

Инновационный механизм предполагает гражданские инициативы населения в любых формах. Общность ценностей, дискурсов, интересов и ожиданий социальной группы может запустить данный механизм в действие при оптимальном использовании политических инструментов мобилизации. Однако активизация такого механизма возможна при условии опоры на ментальные структуры общности, в основе которых лежат социокоды. Это устойчивое ядро культуры, пропитывающее единым смысловым кодом язык, знаково-символические структуры, материальные и духовные формы, социальные отношения. Социокод стабилизирует дальнейшие новообразования смыслов повседневности. Функционирование социокода, растворенного в повседневности, в обыденном «практическом сознании», заключается в постоянной интерпретации событийности социальной группой. Социокод культуры оказывает латентное и модальное влияние на массовое поведение членов общности, которые могут поддерживать или отвергнуть решения властных институтов. В социокode заложены формулы и лозунги мобилизации национального поведения, предсказуемого и объясняемого. В социокode в свернутом, заархивированном виде хранится информация о поведенческих стратегиях выживания в различных ситуациях. Если политические решения могут конфликтовать со смыслами социокодов, то нормативный образец поведения представителей социальных групп, инновационные поведенческие практики настраиваются на гармонию и соответствие данным смыслам.

На смыслах социокода культуры базируется ценностно-ориентирующая система. Различие или существенное отличие актуальных ценностей у оппозиционных по отношению друг другу групп определяет задачи, зачастую противоположные, которые готовы решать члены группы, выбирая жизненные стратегии в кризисных условиях. Ценности – поле «раскола» коллективного сознания и опосредованных им дискурсов, ожиданий, интересов. Конфликт смыслового содержания дискурсов можно обнаружить при анализе и сравнении официальных и неофициальных нарративов. Это противоречие заложено и в определении ситуации, которая социально дифференцирует смысловое поле в зависимости от принадлежности к разным категориям акторов-игроков.

Практики мобилизационного поведения. Социокультурные условия и механизмы определяют выбор мобилизационных поведенческих практик. Так, сложились группы *практик защитного и традиционного типа*, которые отличаются последовательностью, устойчивостью, но, в то же время, утратой смысловой основы. Они несут деструктивные смыслы, направлены на выживание, консервируют кризисные явления, блокируя социальные инициативы членов общности. Современные кризисные условия стимулировали рождение *креативных и «непокорных» (протестных) практик*, которые и взрывают социокультурную

ткань инновационным, нестандартным пониманием ситуации, но не приводят к социально-позитивным последствиям, требуют дальнейшей социальной селекции. Эти группы практик позволяют решать ситуативные задачи в периоды кризисных ситуаций, но неспособны формировать стратегии, направленные на решение проблем будущего.

Практики построения благополучного будущего основаны на абстрагировании от проблем и потребностей настоящего, ибо будущее требует времени и спокойствия. Человек, занятый проблемами выживания, не может думать о будущем. Государство, правительство которого решает антикризисные задачи без расчета на несколько поколений вперед, обречено на неуспех после окончания кризиса.

Это практики созидания. Их задача – формирование ценностей, актуальных для будущего. Ценностно-ориентирующая система такого рода включает группы вечных ценностей, фундаментальных ценностей культуры общности и конгломерат из ценностей официальной культуры и субкультур, ценностей «креативного класса». Из этого конгломерата кристаллизуются ценности общественного консенсуса, которые в дальнейшем требуют осмысления и социальной селекции.

Принцип построения практик благополучного будущего – «единство правды и истины». Правда – инструмент для тех, кто хочет осмыслить опыт прошлого и заложить на его основе фундамент будущего. Истина заключается в понимании того, что правда может быть социально и семантически дифференцирована. Но, независимо от такой дифференциации, любая правда имеет право на реальность и признание. Это требует отказа от манипуляций с социальной памятью, ограничения политики упрека в сфере мнемического пространства, искусственного расковыривания старых язв, оставленных травмирующими историческими событиями, реализации права на забвение.

Понимание опасности запрета на «неправильную» интерпретацию прошлого лежит в плоскости отрицания возможности обладания собственностью на правильность интерпретации истории. Ни у одного субъекта (коллективного или индивидуального) не может быть правильного или неправильного понимания исторической судьбы народа. Но есть путь осмысления этой судьбы, путь выхода из воронки травмирующей исторической событийности. Поэтому благотворно переживание исторических травм через обсуждение, принятие и прощение прошлого. Это, в свою очередь, требует доступа к архивным документам, соблюдения права на правду для всех категорий населения.

Социальная дифференциация правды означает, что группы доминирующих стараются навязать смыслы своей правды остальным группам. Институт средств массовой информации, транслирующий эти смыслы, несет ответственность за некорректные технологии манипулирования. В свою очередь, благоприятная мнемическая атмосфера способствует формированию основы для доверия к будущему.

Насколько возможно такое доверие? Постоянные демонстрации шокирующих и пугающих материалов в СМИ, отвлечение внимания реформами и противоречивыми законами нагнетает у населения чувств страха и неуверенности

в завтрашнем дне. Коллективный нерефлексируемый страх означает отсутствие доверия к институтам власти. Отсутствие или недостаток форм канализации чувства страха, односторонность толкования патриотизма и национальной миссии «включают» практики защиты, практики выживания.

Общественный консенсус, социальный порядок, культивирование чувства защищенности в качестве элементов внутренней политики могут быть основой для практик благополучного будущего, критического осмысления событийности как на индивидуальном уровне, так и на уровне построения национальных габитусных стратегий.

Кто может быть субъектом построения таких практик? Ответы на этот вопрос предложены социологами Франкфуртской школы (Т. Адорно, Ю. Хабермас, М. Хоркхаймер), разработавшими проект новых возможностей социального бытия человека – разумного творца как своей собственной, так и общественной жизни. Такой индивид умеет сопротивляться манипулятивным технологиям средств массовой коммуникации, обладает «критическим самосознанием», владеет «интерсубъективной коммуникативной практикой» повседневности, которая отражает личностные качества человека, его духовные потребности (Ю. Хабермас). Его коллективное прошлое – неискаженная идеологическими интерпретациями социальная память. В настоящем он умеет не отвлекаться на перекрывающие внимание и отвлекающие законотворческие инициативы сомнительной актуальности с главного – его жизни. Главная ценность его будущего – благополучное будущее его детей, основанное на любви и доверии к миру.

Но как только начинается разговор о благополучном будущем человека и нации (ценность которого никто не отрицает), встают вопросы актуальности модернизационных процессов образования и воспитания (стимулирующих к творчеству, а не к правильному решению тестов), ценностей семьи и традиций (имеющих мало общего с ценностями традиционного консерватизма), законов, защищающих социальное бытие людей (не неотрадиционные «чувства» отдельных индивидов!).

Однако постоянная отсылка к объективным трудностям не приводит к положительным результатам. Если влияние на макроуровень событийности затруднено, то действия на микроуровне могут приводить индивидов к успеху даже в кризисной событийности. Это требует личной ответственности человека за собственную судьбу перед потомками. Поля возможностей сохраняют право выбора тематики событийности для созидающих практик: человек может выбрать область деятельности, отказавшись от циклов неуспешной событийности [4, с. 53]. Однако такой шаг должен опираться на процессы самосознания, рефлексии прошлого своей жизни и программ жизни своих предков. Увеличение числа практик созидания на микроуровне способствует рождению общенациональной практики созидания благополучного будущего.

Таким образом, социокультурные условия могут сохранять жесткость кризисной событийности, ситуации – угрожать неустойчивостью. Но это лишь условия для мобилизационных практик людей. Выбор мобилизационных практик определяют социокультурные механизмы (инерционный и защитный), обеспечивающие защиту от травмирующей или скоростной событийности.

Обыденное сознание становится сопротивляющейся основой для интенсивной мобилизации и включает тормозящие механизмы. Инновационный механизм возможен при условиях свободы проявления гражданских инициатив и опоры на социокод культуры общности. Без такой опоры все мобилизационные действия утрачивают смысл и эффективность.

Мобилизационные практики основаны на культурном коде смыслов общности. Рутинные практики выбираются автоматически: они проверены опытом и заложены в традиционных формах поведения как нормативные. Креативные практики наполнены ценностным смыслом, но отличаются неустойчивостью. Эти группы практик позволяют решать ситуативные задачи в периоды кризисных ситуаций. Для стабилизации, конструирования ситуации роста социального благополучия актуальны созидающие практики, сохраняющие в своей основе силу традиционных действий, опирающиеся на смыслы социокода культуры, инновационные элементы, позволяющие решать задачи будущего.

Список используемых источников:

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. Новосибирск. 1997. 804 с.
2. Гегель Г.-Ф. Лекции по эстетике. СПб. 1999. С. 270-271.
3. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М. 2010. 229 с.
4. Логунова Л.Ю. Социокультурный подход: специфика применения микроанализа // Вестн. Томского гос. ун-та. 2015. № 397. С. 48-55.
5. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М. 1999. 429 с.
6. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек: монография. М. 2008. 543 с.
7. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М. 2003. 336 с.
8. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. 1991. 527 с.

References:

1. Akhiezer A.S. Russia: Criticism of historical experience. T. 1. Novosibirsk, 1997. 804 p.
2. Hegel G.-F. Lectures on aesthetics. St. Petersburg, 1999. P. 270-271.
3. Husserl E. Cartesian meditation first. Moscow, 2010. 229 p.
4. Logunova L.Yu. Socio-cultural approach: specific application of microanalysis // Bulletin of Tomsk State University. 2015. Vol. 397. P. 48-55.
5. Ross L., Nisbett R. Person and the situation. Prospects of social psychology. Moscow, 1999. 429 p.
6. Toshchenko J.T. Paradoxical man: a monograph. Moscow, 2008. 543 p.
7. Schutz A. Semantic structure of the everyday world: essays on the sociology of phenomenological. Moscow, 2003. 336 p.
8. Jaspers K. The meaning and purpose of history. Moscow, 1991. 527 p.